даче в Ричмонде, писал стихи его сыну Мишеньке и слушал, как Воронцов читает оды Ломоносова. Однако вряд ли разговоры их ограничивались одной поэзией. Возможно, что именно через С. Р. Воронцова Карамзин завязал связи с гамбургским журналом «Spectateur du Nord»: с начала 1797 г. послом России в Гамбурге стал И. М. Муравьев, с которым Воронцова связывали прочные узы единомыслия.

Итак, хотя основное внимание Карамзина во время путешествия было, бесспорно, привлечено к европейским делам, новым знакомствам и связям с разнообразными деятелями западной культуры и общественой жизни, на протяжении всего путешествия четко просматривается нить русских связей, за которыми вырисовываются контакты с определенными кругами русской оппозиции: Зиновьев — Кутузов — Воронцов и рядом с ними Лафатер и Сен-Мартен с их прочными связями с монбелярским двором, матерью Марии Федоровны, с самой Марией Федоровной. А это был единственный канал, через который можно было проложить дорогу к находящемуся под неусыпным надзором Павлу Петровичу.

В этой связи получает объяснение «Ода на случай присяги московских жителей его императорскому величеству Павлу Первому, самодержцу всероссийскому», которую написал Карамзин в 1796 г. Ода полна актуальных намеков и представляет собой интересную программу, в которой выражены надежды, возлагаемые на Павла критиками политики его матери. Здесь следует отметить и многозначительный намек на незаконность длительного устранения Екатериной Павла от власти (попутно — опровержение слухов об акте лишения Павла наследственных прав на престол):

Итак, на троне Павел Первый?
Венец российские Минервы
Давно (разр. моя, — *Ю. Л.*) назначен был ему...

Далее недвусмысленно указывается на необходимость твердых законов, т. е. конституции:

Он хочет счастья миллионов,
Полезных обществу законов,

судебной реформы, смены государственного руководства с тем, чтобы была «отверста мудрым дверь», процветания наук и искусств (Карамзин, притесненный в последние годы царствования Екатерины II, конечно, думал о цензуре) во внутренних делах и утверждения мира как основы внешней политики. Ода не случайно — единственный пример во всем творчестве Карамзина! — написана в ломоносовской традиции как программа и поучение царям. Не о таком ли предназначении поэзии говорил Карамзину С. Р. Воронцов, когда читал ему в Лондоне Ломоносова?